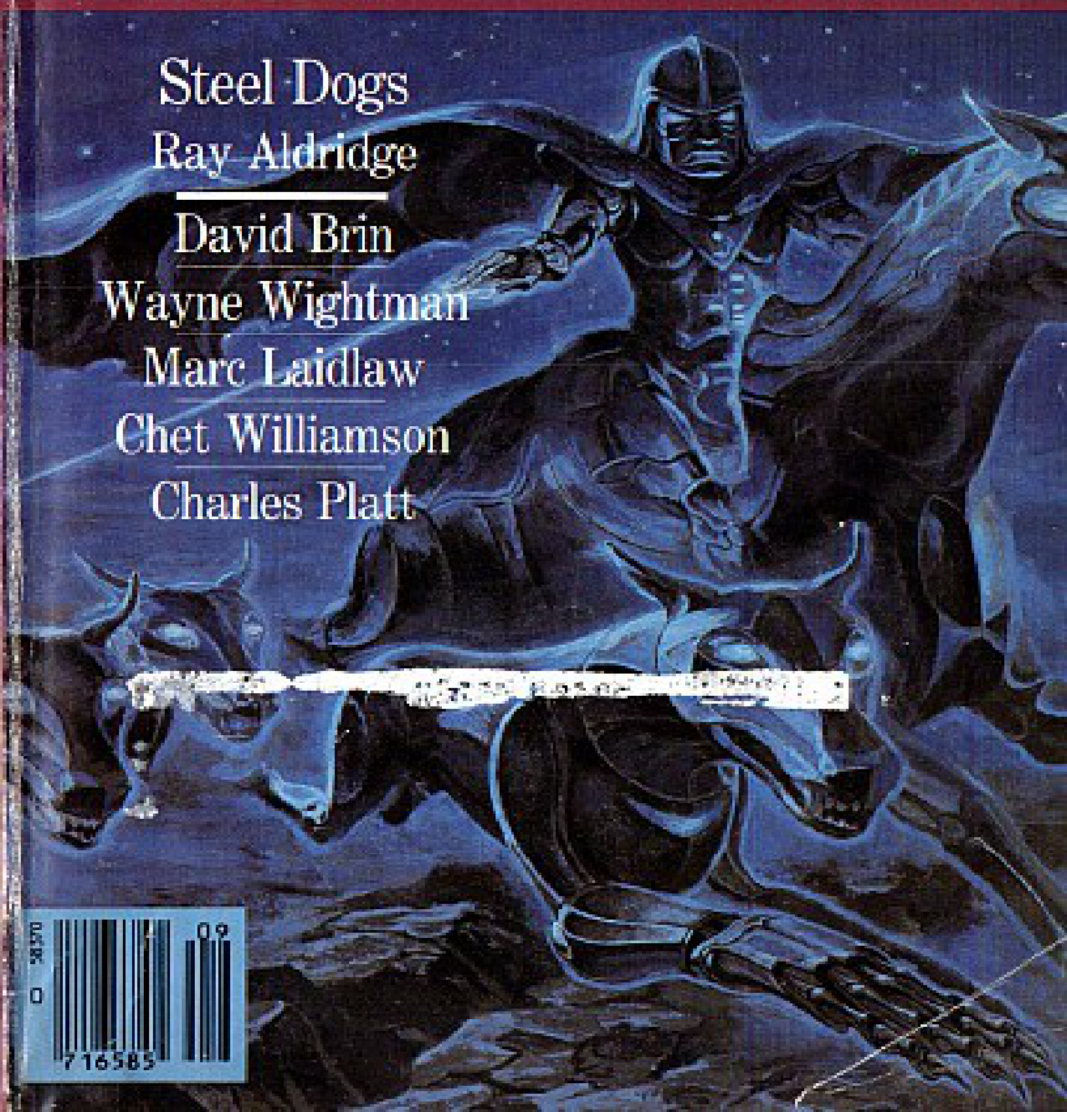
Isaac Asimov: The True Rulers

Fantasy & Science Fiction

SEPTEMBER

$2.00 US • CANADA $2.50 • UK £2.15



Steel Dogs
Ray Aldridge

David Brin

Wayne Wightman

Marc Laidlaw

Chet Williamson

Charles Platt

0 38570 09
716585

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рэй Олдридж, один из самых изобретательных новых писателей в жанре НФ, предлагает свой самый длинный и сильный на сегодняшний день рассказ о заброшенной курортной планете, управляемой призрачными машинами, и молодой женщине, которая попадает в руки стального егеря и его собак. “Fantasy & Science Fiction”, 1989 September Рассказ из вселенной Дильвермуна. 27.03.2022 - перевод исправлен.

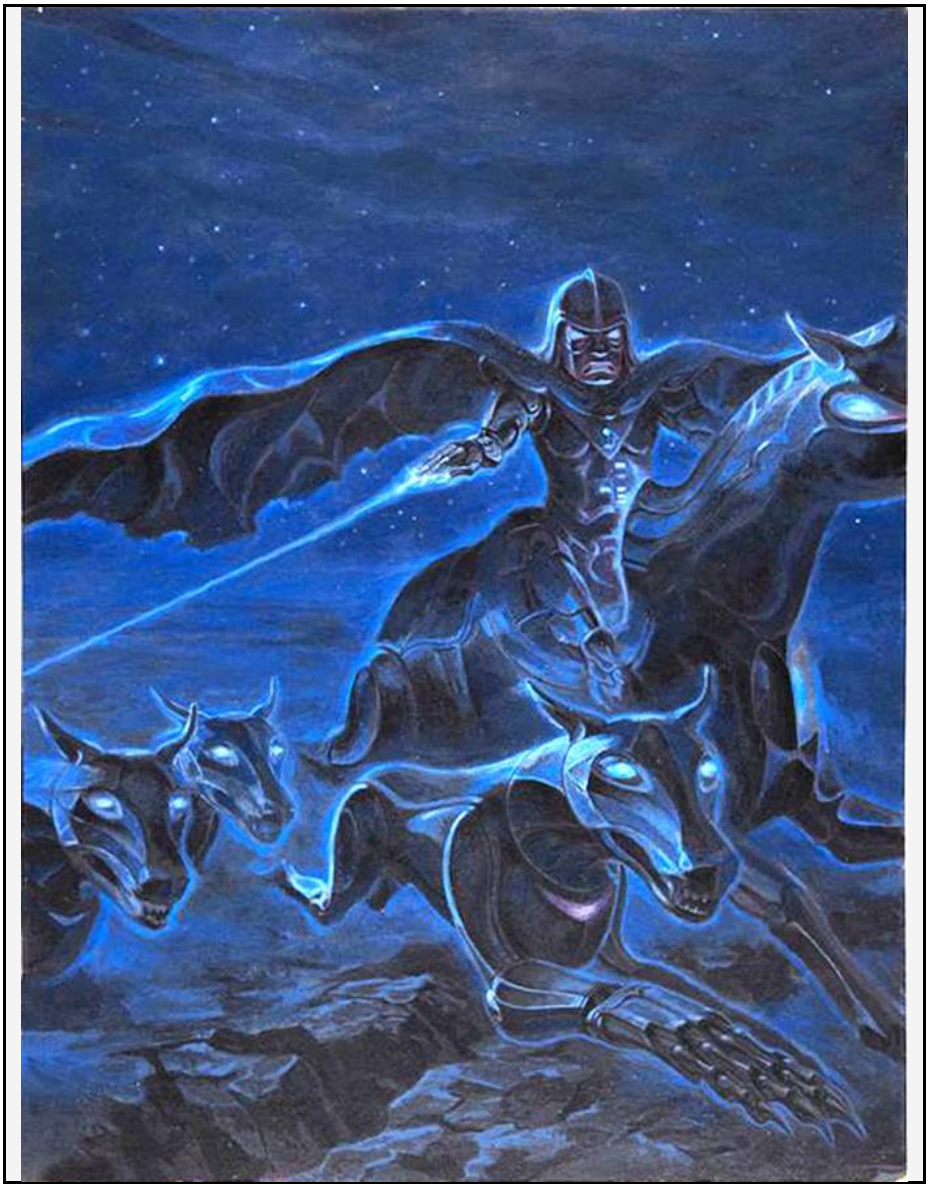
- Рэй Олдридж. Стальные псы

Рэй Олдридж. Стальные псы

Ray Aldridge. Steel dogs.

“Fantasy & Science Fiction”, 1989 September, p. 6-31. Art by Greg Scott.

Перевод 07.2021



ААНДРЕД ЖДАЛ, втиснувшись в выходном шлюзе, вместе с конем и собаками. Воздух в маленьком помещении был плотен от вони машинного масла, озона и гидравлической жидкости. Собаки волновались, их тела постукивали друг о друга, металлом о металл, издавая оглушительный грохот.

– Тише, собачки, – сказал Аандред, стараясь, чтобы его грубый голос звучал успокаивающе. – Знаю, знаю, Дроам сегодня немного медлительней, чем обычно, но скоро, скоро…

Собаки притихли в ожидании, лишь изредка нетерпеливо вздрагивая и приглушенно поскуливая.

Аандред открыл панель, вмонтированную в предплечье, и взглянул на располагающиеся там индикаторы. Все они источали ровный зеленый свет, за исключением случайного янтарного мерцания того, который контролировал обонятельный датчик Умбер. *Не настолько плохо, чтобы заставить Умбер остаться,* подумал он. Умбер была милой, не скандальной собакой; она останется со стаей, даже если ее нос совсем откажет ей.

Заговорил Дроам, используя прямой режим:

– Готов, Охотник?

Аандред ненавидел звучание голоса замка в своей голове; это было непрошенное вторжение, напоминание о том, что он является собственностью Дроама. Сегодня голос казался чуть менее елейным, чем обычно. Аандреду почудились, что в ровных его тонах проскальзывает дрожь тревоги. *Хорошо,* подумал он. *Мучайся, чудище. Бойся.* Но ответил он только:

– Да.

Аандред запрыгнул на своего коня – громадного, великолепно изготовленного из темной стали. Он зафиксировался в седле, опустив рычаги, запирающие бронированные тросы в их каналах. Собаки заволновались, зашевелились, и конь испуганно дернулся. Аандред выбросил руку и ударил кулаком по его затылку. Посыпались искры, но конь успокоился.

– Идиот, – пробормотал Аандред.

Конь был воплощен из вроде бы благородного животного, но если бы Аандред ездил на нем каждую ночь еще семьсот лет, он бы ему все равно не стал ближе. И конь никогда не полюбит его; в отличие от собак, он был либо слишком глуп, либо слишком чуждым по природе, чтобы у него сформировались подобная привязанность.

Над выездными воротами загорелись сигналы готовности – сначала янтарный, а затем зеленый. Ворота с грохотом распахнулись. Охота вырвалась под свет звезд, собаки громко

залаяли, с грохотом стукаясь друг о друга. Звук стал оглушающим на некоторое время, пока стая не начала вытягиваться цепочкой по заросшей дорожке, ведущей вниз, на Зеленые Равнины. Аандред бросил взгляд назад, на замок: Дроам неясно маячил серой громадиной, перекрывая свет звезд; тысячи витых башен напоминали шипы на спине рассерженного ежа. На миг зрение Аандреда затуманилось – такова была сила его ненависти. Он вздрогнул, выпрямился в седле и сконцентрировался на Охоте.

Аандред не любил коня, но ему нравилось ездить на нем. Смерть и воплощение Аандреда семьсот лет назад сузили круг доступных развлечений, а время истерло многое из того, что осталось, но быстрая езда не потеряла своего очарования. Яростная скачка под черным небом вслед за дюжиной псов, прохладный встречный ветер шевелит металлические пряди его волос, развевается широкий плащ, несется навстречу земля, уши закладывает от нетерпеливого лая стаи… да, это было по-прежнему здорово. Он мог бы и захохотать от восторга, но смех его был безумным ревом, какой и должен быть у Мастера Охоты. Это больше не доставляло ему радости.

Голос Дроама вновь наполнил его голову.

– Спускайся к наветренному берегу, Аандред. Именно там тролль видел, как они вышли на берег.

Аандред коснулся луки своего седла, и Кримзон, вожак стаи, свернул на тропу, ведущую к морю. Тропа шла по осыпающемуся обрыву, часто пропадая в промоинах. Охота, с безрассудной удалью, перескакивала через эти провалы. Аандред наслаждался риском. Если конь не удержится на ногах, внизу в прибое его поджидают острые камни; падение будет достаточно сильным, чтобы разорвать даже металлическое тело Аандреда. Он заревел от восторга, но тут же вспомнил о собаках, и его удовольствие испарилось, сменившись беспокойством. Он снова коснулся луки, и Кримзон замедлил шаг, двигаясь с большей осторожностью.

– Хороший пес, – шепнул Аандред.

После того, как они добрались до слежавшегося песка у подножия утеса, он снова дал собакам возможность размяться, и они подняли яростный лай. Охота с грохотом неслась на север по узкому берегу; над Островным Морем поднималась красная луна.

Аандред уже почти забыл о своей цели, когда прозвучал голос Дроама:

– Аандред, слушай – вот твои инструкции, – сказал замок. – Убей их всех, кроме одного. Одного оставь в живых, чтобы я мог его допросить.

Аандред нахмурился.

– Как они вооружены? – спросил он, думая о собаках. Он удивился, почему ему не пришло в голову спросить об этом раньше. *Я слишком долго был мертв,* подумал он.

– Тебе не о чем беспокоиться. Нет ни энергетического оружия, ни взрывчатки. У них не будет времени копать ловушки, устраивать завалы. Простая работа; смотри, не делай ошибок.

Аандред с силой стиснул хромированные зубы. Высокомерие Дроама до сих пор приводило его в бешенство, даже спустя столько лет. Это удивительный факт, если подумать, насколько бледными стали для него большинство других эмоций. Тем не менее, он выполнил приказ Дроама – заставил стаю бежать беззвучно и отрегулировал коня так, чтобы он двигался на бесшумных воздушных подушках. Ночь погрузилась в тишину.

Когда они достигли того места, где пришла с моря добыча, псы закружились вокруг основания скалы, подобно стальной волне. Они быстро нашли пещеру, где была спрятана лодка, и вытащили ее под свет звезд, разрывая и раздирая. Через несколько секунд от нее осталась лишь кучка щепок. Аандред немного пожалел ее. В то время, когда он был человеком, он с удовольствием имел дело с лодками, и эта показалась ему искусно сделанной и изящной.

Собаки уловили запах и помчались по берегу к тому месту, где сквозь ветки засохшего можжевельника струился небольшой водопад. Здесь скала разрезалась оврагом, который уходил вглубь мыса. Собаки бросились вверх по узкому провалу; лошадь с огромной скоростью понесла за ними Аандреда.

В овраге стояла плотная темнота, и Аандред переключил свое зрение в инфракрасный диапазон. Собаки превратились в бурлящие красные вихри в черноте; их вентиляционные жалюзи ярко светились. Он обдумал данные ему инструкции. Когда они настигнут добычу, он должен действовать мгновенно, иначе Дроам не получит своего пленника. Собаки были полны энтузиазма; они часто ломали зубы о бронированные бока воплощенных оленей, которые были их обычной добычей. Плоть и кости живых людей несравнимо мягче.

Они добрались до начала оврага и вырвались на открытую пустошь. В четверти мили от них вырисовывался край Заброшенного Леса.

Аандред снова притормозил собак и прибавил немного мощности коню. Поравнявшись с Кримзоном, он бросил взгляд в сторону вожака стаи. Кримзон скосил на него недоуменный глаз, словно задавая немой вопрос.

– Прости, малыш, – прошептал Аандред. – Только в этот раз.

Аандред достиг опушки леса в пятидесяти метрах впереди собак. Он мчался по еле видимой тропе и через несколько секунд достиг поляны, где расположилась добыча. Аандред прорвался сквозь заросли шиповника, огораживавшие открытое пространство, и с полдюжины Костекопателей обернулись на звук. Они тут же скрылись под низко нависшей черной ивой, кроме одного, который стоял на страже посреди поляны. Этот высокий худощавый мужчина направил на Аандреда арбалет и выстрелил.

Стрела попала в щеку и со свистом отскочила в лес. Аандред взревел от боли; стрела оставила в металле всего лишь крошечную зазубрину, но металл был плотно насыщен псевдонервными окончаниями. Ощущение было таким, словно щеку разорвали; он дернул поводья и направил коня на человека.

Когда Аандред проскакал дальше, часовой превратился в кровавые ошметки, кувыркающиеся у него за спиной.

Остальные Костекопатели до сих пор двигались не спеша: трое ползли в поисках укрытия среди деревьев, двое все еще тупо сидели под ивой. Лишь одна женщина, одетая в обтрепанные лохмотья, вскочила на ноги. Вместо того чтобы убежать, она бросилась вперед, замахиваясь на Аандреда какой-то дубинкой. Потому что она находилась наиболее удобно, он свернул в ее сторону. Дубинка безвредно скользнула по плечу коня, а в следующее мгновение Аандред подхватил женщину и поскакал, врезавшись в крону черной ивы. Два самых медлительных Копателя умерли на месте, а конь, гарцевал и притопывал, высвобождаясь из кроны.

Подоспели псы и все также молча рассыпались по поляне. Конь испуганно дернулся и Аандред чуть не уронил женщину к собакам. Как ни странно, она все еще извивалась и пыталась вырваться. Его металлические руки сжались. Она охнула и замерла.

– Правильно, – шепнул он, направляя коня от ивы. – Дроаму ты нужна не здоровой, а только живой.

Пока он говорил, собаки нашли оставшихся Копателей, и из темноты под деревьями раздались короткие крики. Все закончилось почти мгновенно, и собаки рысью вернулись на поляну, их морды чернели в свете звезд.

Конь прогарцевал боком, его копыта неприятно булькнули по останкам часового и женщину подбросило вверх. Аандред с резким, звенящим звуком нанес еще один вразумляющий удар по конскому затылку.

– Проклятая тварь, – пробурчал он, затем развернулся и

поехал прочь из Заброшенного Леса, предоставив прибраться здесь троллям. Прошло много лет с тех пор, как тролли последний раз пробовали жаркое из человечины. Гостей, которые могли бы вместе с ними разделить угощение, не будет, но тролли и так насладятся ритуалом. Аандред допускал, что они, возможно, даже останутся благодарными ему.

Их благодарность ничего, кроме омерзения у него вызвать не могла. Из всех воплощенных, что населяли замок Дроам, тролли, по его мнению, имели самые гнусные души.

ВЫЙДЯ НА пустошь, он свернул на тропу, которая вела вдоль вершины утеса. Псы отдыхали и дурачились; прыгали, лаяли, покусывали друг друга. Аандред с одобрением наблюдал за их играми. Он натянул поводья и на некоторое время приостановился, чтобы полюбоваться на беседку для фей, прилепившуюся на груде камней, в сотне метров от берега. Изящный мост, тонкий как паутинка, изгибался дугой к беседке. По всей его длине сверкали крошечные огоньки – прелестное зрелище. Черная вода, бурлившая под мостом, прятала в своих глубинах морского тролля, который заметил прибывших на своей лодке Костекопателей.

Женщина, лежавшая поперек его седла, шевельнулась. Теперь Аандред разглядел, что под лохмотьями у нее узкая, мускулистая талия. Женщина не произнесла пока ни слова. Интересно, а умеет ли она разговаривать, подумал он. Если да, то наверняка она могла бы проклясть его. Он пожал плечами и пустил галопом коня.

Женщина продолжала молчать и тогда, когда Охота прибыла домой и стала подыматься по высокому, заросшему травой холму, на котором располагался замок Дроам. Ворота распахнулись прежде, чем прибывшие успели к ним приблизиться; собаки тут же ринулись внутрь. Аандред не спеша, степенно ехал сзади. Его пленница выбрала этот момент, чтобы вновь попытаться вырваться. Не останавливаясь, Аандред посильнее сдавил ее, и она обмякла. Он почувствовал легкую тревогу; Дроам сурово бы с ним обошелся, если бы женщина умерла до того, как замок смог бы ее допросить.

Тут Аандред испытал яркое видение того, что наверное ощущала женщина, приближаясь к воротам – темная клыкастая пасть Дроама открывается, чтобы поглотить ее навсегда. Он покачал головой. *Глупость,* подумал он. *Наверное я изнашиваюсь; наверное, скоро я окончательно сломаюсь.*

Псы шли следом за ним, пока он нес пленницу в Зал для

аудиенций Дроама. Дроам, конечно, предпочел бы, чтобы собаки остались на псарне. Аандред взял их с собой отчасти для того, чтобы уязвить Дроама, но главным образом потому, что собаки проводили на псарне слишком много времени. Они получали огромное удовольствие, когда Аандред позволял им сопровождать его. И они были послушными; в конце концов, они не испачкают сверкающие коридоры и не напугают гостей. Четыреста лет уже, как Дроам не посещали гости.

Собаки могли напугать других воплощенных, обитавших в замке, но Аандреду было на них наплевать.

Мышцы у женщины напряглись, но она держала глаза закрытыми.

– С тем же успехом ты можешь смотреть, – сказал он. – Зачем идти к своему концу во тьме?

Ее глаза открылись. Они были большими и зелеными, жгучими от ненависти и горя, и Аандреду захотелось, чтобы все стало так, словно он ничего не говорил. Неприятное чувство охватило его. Он резко остановился, и собаки в замешательстве прижались к его ногам. Что за чувство испытал он? Это была та эмоция, которую он испытывал слишком давно, чтобы опознать ее сейчас. Была ли это вина? Жалость? *Абсурд,* подумал он, и зашагал дальше.

На второй площадке широкой лестницы, которая вела из Серебряного Бального зала в Зал для аудиенций Дроама, он встретил Мерма, Короля троллей.

Мерм прижимался спиной к стене из рубинового стекла, и с некоторой опаской следил за собаками. Мерм был обладателем особенно уродливого тела: толстого и коренастого, с кожей из бородавчатого серо-зеленого пластика, с заостренной головой и мелкими, рыхлыми чертами лица. Полуоткрыв красный рот, он смотрел на ношу Аандреда сверкающими глазами.

– Мясо на жаркое, да? – спросил он.

Чувство глубокого омерзения охватило Аандреда. Он подавил в себе желание ответить – зачем? – для чего? – и молча прошел мимо. Мерм был таким, каким он был.

Мерм сделал вид, что собирается последовать за ним, но псы, почувствовав враждебность охотника, повернулись и оскалились на тролля окровавленными пастями. Мерм отвернулся, но Аандред успел увидеть ненависть в его лице.

Мы все ненавидим друг друга, подумал Аандред, *и что удивительного? Мы все здесь ненавистные создания.*

На верхней площадке ему преградили путь три женщины-эльфа. Их тела были словно выточены из драгоценных камней – полупрозрачные, но каким-то хитроумным образом скрывающие

всю механику, так что сквозь них просвечивал ослепительный свет люстр. Они сверкали, как ледяные, экстравагантные драгоценности и таковыми они ощущали сами себя. Несмотря на холодный внешний вид, их хрустальная кожа была мягкой и теплой на ощупь. Он знал это, потому что прикасался к каждой из них больше раз, чем мог вспомнить. Дроам позволял своим устройствам получать определенные удовольствия, как награду за эффективное функционирование.

– Вы только поглядите! – воскликнула Аметист, нацелив тонкий изящный пальчик. – Женщина из плоти! Где ты ее подобрал? Что ты будешь с ней делать? А в курсе ли Дроам? Непослушный ты шалунишка.

– О-о-о, – взвизгнула Цитрин. – Будь осторожен, Аандред. Твой агрегат заржавеет, если ты будешь неосторожен и направишь его не туда, куда следует. И приходи потом ко мне. У меня есть для тебя масленка – ты знаешь, где.

Гранат была наименее легкомысленной из троицы.

– Какая мерзость, – сказала она. Она подошла поближе к Костекопательнице, отвела набок ее спутанные черные волосы, и взглянула на побледневшее лицо.

– Вообще-то она не уродина. Когда Дроам закончит с ней, дай ее нам на время. Перед тем, как ты отдашь ее троллям. Мы оденем ее как гостью; мы поупражняемся в том, чтобы доставить ей удовольствие. Это будет забавно – как в старые добрые времена, до того, как Дроам вышел из моды. – Ее смуглое, прекрасное лицо пылало голодом, слишком древним, чтобы его можно было утолить.

Псы оскалились на них, но Аандред протиснулся мимо эльфов, не говоря ни слова. Он слушал их жуткий смех, подобный звону маленьких серебряных колокольчиков, пока проносил женщину через тяжелые двери из полированного металла в Зал для аудиенций.

В середине высокого, узкого зала светилась круглая яма нексуса – основного логического узла Дроама. В дальнем конце зала под причудливо изукрашенными окнами возвышался помост, с покрытым налетом паутины и пыли троном, на котором сутулился Король-Из-Под-Холма. Из всех тел-оболочек в Дроаме только это не имело личности воплощенного; это был глас Дроама. Раньше Дроам каждую ночь вселялся в него и спускался в банкетный зал, чтобы поужинать с самыми важными гостями. Там он жал руки, оценивал кухню, вел остроумные беседы, следил за тем, чтобы каждый гость был самым роскошным образом удовлетворен, и в целом способствовал бесперебойному функционированию замка. Но теперь у Дроама не было причин

использовать эту оболочку, и Аандред искренне удивился, увидев, как Король встал и сошел с помоста. Сервисные поля моментально очистили его от многолетнего мусора.

Тело Короля изображало бога эльфов и являлось самым красивым объектом в Дроаме. Его кожа сияла сверкающим серебром, купающимся в золотистой дымке, искрилась миллионом крошечных огоньков, словно покрытая мельчайшей чешуей. Костюм представлял собой величественное одеяние из серого шелка и белого льна, отороченное переливающимся малиновым мехом пятнистой морской ласки. В глазницах, вместо глаз, пылали пурпурные камни, а идеальные черты лица кривились в легком раздражении.

– Так ли уж необходимо тебе повсюду таскать за собой этих зверей? – нежным, вкрадчивым голосом спросило оно.

– Они не наносят никакого ущерба. – Аандред презирал себя за оправдывающийся тон своего голоса. Но Дроам мог, когда хотел, наказывать слуг жгучей болью, более ужасной, чем все, что Аандред испытывал, будучи человеком.

– Возможно. И все же они отвлекают меня своим ерзанием, царапаньем, сопением. Убери их, но сначала отдай мне Копательницу. Когда отведешь собак, возвращайся, и мы займемся нашим делом.

Аандред подал ему женщину; блистательное тело небрежно приняло ее в свои руки. Округлившимися глазами женщина переводила взгляд с одной фигуры на другую. Аандред отвернулся и свистом позвал собак. Выйдя наружу, он махнул рукой, и они со грохотом легли на пол.

– Ждите, – приказал Аандред и закрыл огромные двери.

Возвращаясь через зал к трону, он заглянул в колодец нексуса. Там кипел горячий свет, подсвечивая запутанную паутину макромолекул, содержащих разум Дроама. Он на мгновение пожалел, что у него нет с собой небольшой зажигательной бомбы, но тут же подавил эту мысль. Мечтать нет смысла.

Подойдя к трону, Аандред взглянул на прекрасное лицо Короля и порадовался, что его собственное, грубо изготовленное лицо застыло навсегда в маске безумного восторга. Дроам обязательно отомстит, если когда-нибудь прознает о его тайном желании.

– Принеси зонд, – приказал Дроам. Копательница вяло сопротивлялась; Дроам не обращал на это внимания.

Аандред принес зонд из-за ширмы из серебристого кружева. Машина была запыленной, но ожила, когда он открыл ее главную сенсорную панель. Мириады сенсоров замигали на черной

поверхности, визуализатор просигнализировал о готовности, а фиксирующее кресло распахнулось, подобно скелетовидному цветку, чтобы принять женщину. Она хныкала, всхлипывала, но не умоляла о снисхождении. Аандред помог Дроаму надежно ее привязать и отошел в сторону.

Пока Дроам возился с машиной, вводя исходные данные, Аандред вспоминал. В былые времена некоторые гости замка пытались покинуть остров, не заплатив по счету. Если гость не обладал большим авторитетом или влиянием, Дроам приказывал Аандреду доставить его сюда, и с помощью зонда извлекал информацию о средствах гостя, чтобы погасить долг. Ах, то были дни, когда Аандред еще сохранял иллюзию, что его воплощение важно и служит какой-то большой цели. *Как глупо с моей стороны,* мрачно подумал он. *Мертвец всегда мертвец.*

Глаза женщины приняли мечтательное выражение; напряженное лицо расслабилось. Визуализатор расцвел смутными фигурами; эмпатический эманатор начал проецировать сохранившиеся в ее памяти образы напрямую в разум Аандреда.

…с опушки леса доносится приглушенный шум. Грохот, затем появляется кошмарная фигура, слишком ужасная, чтобы ее можно было понять. Это чудовищный человек на огромном черном коне… глаза коня исторгают желтый огонь. Джебаум стреляет из своего арбалета; с режущим слух звуком чудовище ревет и топчет в месиво Джебаума. Убей, убей его, ненавистную тварь, кипит красная, как кровь, ярость. Удар, ее хватают, подняли, вид сверху еще ужасней. Бестии, напоминающие скелеты собак сверкают в ночи металлическими телами, мечутся по поляне с нечеловеческой энергией, челюсти оскалены, глаза пылают, как угли…

Аандред отвернулся, а Дроам раздраженно хмыкнул и стукнул по сенсорной панели.

– Ты был эффективен, Охотник, – сказал он. – Но сейчас меня интересует не это.

Дроам пробежался пальцами по сенсорам, узор замерцал, сдвинулся.

…теплый, сладкий аромат материнской груди. Обзор настолько золотисто-светел, настолько узок и расплывчат, что безошибочно принадлежит очень маленькому ребенку. Ласка материнской руки, мягкое бормотание, прикосновение солнечного света к новой коже. Гортанный смех…

Дроам попытался вновь.

…летняя ночь, насыщенная запахом моря. Темный берег, поодаль горят небольшие праздничные костры. Бег по белым дюнам, по пятам за ней гонится Мондо. Его руки, когда он

поймал ее, такие твердые от работы с сетями, сейчас нежно прикасаются к ней. Его дыхание, пряное от вина и желания. Стук ее сердца, когда он уложил ее на свой изодранный плащ, жар, вспыхнувший, когда они соприкоснулись, кожа к коже, по всей длине тела…

У Аандреда не было сердца, которое могло бы встрепенуться, но он почувствовал натиск какого-то сильного непонятного чувства, рвущегося изнутри, отчаянно пытающегося освободиться. Он закрыл глаза, и сжав кулаки, дождался, пока неизвестное ощущение не ослабло. Дроам ничего не заметил. Прекрасный лик был искажен разочарованием.

– Бесполезно, безрезультатно… Я не захватываю ничего, кроме тангенциальной глубокой памяти. Ничего недавнего, кроме ее поимки; какая-то травма у нее мешает мне. Что с ней не так?

Аандред посмотрел на Дроама взглядом, полным усталого изумления.

– Что же это может быть? Вот загадка! Подождите, мне пришла в голову мысль – вероятно, глупая – а не может ли тут быть какая-нибудь связь с тем фактом, что я убил шестерых ее друзей час назад?

Дроам окинул его долгим, холодным взглядом.

– Ты опасно потакаешь своему чувству юмора, Охотник.

Недоумение испарилось, оставив лишь усталость: – Мои извинения.

– Но, в общем ты прав, – сказал Дроам. – Ей нужно время, чтобы восстановить свои способности. Я поручаю тебе приглядеть за ней. Очисти ее от паразитов, накорми, напои и проследи, чтобы ей не причинили вреда.

– Где *мне* содержать ее? Не лучше ли отдать ее на попечение одному из тех, кто опытен в гостевании? Гранат сама выражала такое желание. – Произнеся это, Аандред пожалел о своих словах, вспомнив лицо Гранат.

Но Дроам сам отверг его предложение:

– Держи ее на псарне; что, у тебя не найдется одного пустого загона? Что касается Гранат и других слуг – боюсь, они стали немного странными за эти годы бездействия. Когда мы снова откроемся, мне, по всей видимости, придется заменить их свежими воплощенными. Кроме того, Копательница – пленная, а не гость.

Тело Дроама застыло; свет погас в его восхитительных глазах. Аандред извлек потерявшую сознание женщину из кресла зонда. Голова у нее запрокинулась, руки безвольно повисли, а губы приобрели синеватый оттенок. Непонятно почему, но его охватил внезапный страх, что она мертва – иногда гости не выдерживали

допроса Дроама. Он поднес ее поближе. Дыхание овевало его поврежденную щеку; он уловил пульс у основания ее горла. Успокоившись, Аандред вышел к ожидающим его собакам.

ПСАРНЯ ПРЕДСТАВЛЯЛА собой большой общий зал с индивидуальными загонами для собак вдоль одной длинной стены и входной дверью в маленькую, пустую квартирку Аандреда – с другой. Стены из необработанного гранита, без окон, но хорошо освещенные потолочными световыми трубками. В конце стоял вместительный ремонтный стол и комплект диагностического оборудования.

Он принес женщину в свое жилище и уложил в стенную нишу, в которой он лежал, бездействуя, в неактивное время, а затем запер собак в их загонах.

Аандред размышлял. Как ее искупать? В помещениях для персонала замка не было никаких удобств для людей; Аандред смыл пыль своей поездки под струей обогащенного смазкой растворителя. Он уже почти решил оставить ее такой, какая она есть, но инструкции Дроама были однозначными.

В конце концов он перенес ее на уровень, где когда-то содержались живые проститутки, предназначавшиеся для тех гостей, которым религия или предрассудки запрещали совокупляться с воплощенными замка. Шлюх уже четыреста лет как не было, а из кранов по-прежнему текли чистая вода и питательный бульон.

Он усадил ее на ложе из засаленного пластика и снял с нее кожаную одежду с бахромой. Аандред отметил, что кожа была мягкой, хорошо выделаной и делалась явно не примитивными людьми. Тем не менее, он брезгливо кинул ее в мусоропровод.

Когда она оказалась полностью обнаженной, он долго разглядывал ее, пока его любопытство не было удовлетворено. Как давно он не видел женщину из плоти и крови? Он не мог вспомнить. Она была высокой, с небольшой грудью и продолговатыми, мускулистыми бедрами. Конечно, ее тело было несовершенно; на одном боку виднелись старые белые шрамы, возможно, давно зажившие следы когтей какого-то дикого зверя. Ее бледная кожа была гладкой, и совсем не похожей на шелковистый блеск кожи воплощенных женщин, которые обслуживали замок. Синяки цвели тут и там, в тех местах, где Аандред хватал ее. Ее волосы… ее волосы, вероятно, были великолепны, хотя сейчас они представляли собой черную мешанину, скрывавшую черты ее лица. Он склонился над ней, раздвинул пряди волос в поисках паразитов и был несколько удивлен, не найдя ни одного.

Аандред помыл ее губкой с дезинфицирующим раствором, затем тщательно вытер. Странно, но ему не претила роль домашней прислуги, которую его вынудил исполнять Дроам. В прикосновении к плоти живой женщины была своя прелесть.

Закончив, он прошелся по квартире. Большая часть одежды в шкафу от его прикосновения распалась в вонючую пыль, за исключением комбинезона, сотканного из более прочной синтетики. Он забрал его. Он подошел к туалетному столику, выдвинул ящик. Слабый древний аромат все еще чудесным образом сохранялся на расческах и щетках. Повинуясь внезапному порыву, он взял расческу и сунул ее в карман комбинезона. Он поднял глаза; зеркало показало ему безумное черное лицо, красные горящие глаза и оскаленные зубы. *Я урод,* с горечью признал он.

Он отнес женщину обратно на псарню. По дороге она шевельнулась в его объятиях, и он понял, что она проснулась, но держала глаза закрытыми, а тело расслабленым.

Он уложил ее в загоне погибшей Церулеан, на коврик из искусственной травы: рядом он положил комбинезон. Церулеан была одной из его любимиц, пока однажды ночью она не упала в колодец и не повредила жизненно важные элементы своей схемы. Ее пустой корпус все еще лежал на рабочем столе в углу.

Аандред закрыл решетку, щелкнул замком. Он взял из шкафчика две кастрюли из нержавеющей стали и зашел в квартиру. Одну кастрюлю он наполнил водой, другую – густым бульоном.

Вернувшись к загону, он просунул кастрюли через решетку.

– Вот, – сказал он. – Пей, ешь. Тебе понадобятся силы.

Она лежала неподвижно, спиной к нему.

Он пожал плечами.

– Тогда делай, что хочешь. Никто не будет приставать к тебе здесь; какое-то время ты будешь в безопасности.

Он раскрыл предплечье и усыпил псов, чтобы они ее не пугали. Они замерли, их яркие глаза потухли, и Аандред ушел к себе.

Внутренний таймер Аандреда вывел его из того неопределенного состояния без сновидений, которое заменяло ему сон. Он отсоединил кабель подзарядки и выпрыгнул из ниши; его ноги лязгнули об пол. За дверью раздался визг, полный ужаса, а затем металлический скрежет.

Аандред быстро вышел из квартиры. Мерм, Король троллей, скрючился на корточках у решетки пленницы, и тыкал в нее вилкой для мяса на длинной рукоятке. Она забилась в дальний

угол, там, где Мерм не мог дотянуться. Ее глаза были белы от ужаса.

– Так, – сказал Аандред. – Что здесь происходит?

Мерм посмел вторгнуться в его дом? Он сделал шаг к троллю, сжимая руки в кулаки.

Бугристое лицо Мерма поначалу было полно злобного удовольствия, но эта эмоция быстро исчезла, сменившись наигранной бравадой.

– Привет, Охотник, просто развлекаюсь. О твоей пленнице говорят во всем замке. Я должен был посмотреть; дверь псарни была открыта, и я решил, что ты не будешь против, если я составлю тебе компанию.

Отвращение переполнило Аандреда.

– Я когда-нибудь бывал с тобой в компании? Убирайся, и в будущем впредь я буду оставлять одну собаку включенной. Ты извлечешь из ситуации должный урок, если еще раз вломишься сюда.

Мерм медленно отошел от решетки, держа вилку для мяса как оружие. Его маленькие глазки заблестели.

– Дроаму не понравятся твои слова. Я – ценная собственность, причинив мне вред, ты испытаешь на себе гнев Дроама.

Аандред подрагивающим от гнева пальцем указал на выход. Бравада Мерма тут же испарилась, и тролль поспешил прочь. У двери Мерм бросил через плечо пылающий, ядовитый взгляд, который охватил Аандреда, собак и пленницу.

Аандред подошел к решетке, заглянул внутрь и посмотрел на пленницу. Она одела комбинезон и воспользовалась расческой. Ее волосы *были* очень красивы, густая шелковистая грива обрамляла лицо нестандартной красоты. Ее глаза, немигающе смотревшие на него, были огромными от страха, но Аандред видел, что они будут большими, и в менее опасных обстоятельствах. Ее скулы были немного более, чем нужно, заострены, подбородок крепким, рот широким.

Аандред увидел, что еда и вода остались нетронутыми.

– Ты не хочешь пить? Не голодна?

Ее глаза затуманились, и она отвела взгляд.

– А-а, – сказал Аандред. – Понимаю. Ты боишься яда или наркотиков. Я прав? Не беспокойся. Зонд эффективнее любого препарата, а если Дроам захочет тебя убить, у него есть для этого миллион способов.

Он был удивлен, когда она ответила; он уже начал думать, что она немая.

– А как насчет тебя, железная тварь? Ты искусный убийца, что

ты и доказал прошлой ночью. Ты хочешь моей смерти? Сколькими способами ты можешь сделать это?

Она произнесла это с горечью, но тихим и мягким голосом, почти шепотом. Акцент ее речи был незнаком Аандреду.

Он чуть не рассмеялся своим ужасным смехом, но вовремя сдержался. По какой-то причине он не хотел ее пугать.

– Нет. Я больше не жажду ни чьей крови. За исключением, возможно, Мерма, хотя ему нечего проливать. – *И, конечно же, Дроама.* – Мерм – это та вонючая зеленая куча, которую я отогнал от твоего загона, та, что хотела тебя попробовать на вкус своей вилкой.

Она вздрогнула.

– А, его. Я думала, что ты самое уродливое существо, которое я когда-либо встречала, пока не увидела его. Неужели в этом месте нет никого, кроме богов и демонов?

– Боги? О, я понимаю. Ты имеешь в виду потрясающее тело Дроама? Уверяю тебя, это был не бог, а всего лишь более симпатичная чем я, кукла, вырезанная из более дорогого материала.

Пленница, казалось, погрузилась в глубокую задумчивость и больше ничего не сказала. Через некоторое время она подняла чашку с водой и сделала большой глоток. Аандред наблюдал за ней, недоумевая. Учитывая недавние события, она была на удивление хладнокровна. Неужели род человеческий так сильно изменился, или она была просто необычной женщиной?

Аандред активировал собак, и они поднялись со своих спальных ковриков, виляя хвостами. Он накормил их утренней псевдопищей – ритуал, от которого они никогда не уставали. Ритуал не преследовал никакой цели, кроме получения приятного стимула. Псевдопища проходила через собак в неизменном виде, насыщалась запахом и вкусом, и вновь скармливалась им.

Когда псы позавтракали, он решил починить обонятельный датчик Умбер. Он выпустил Умбер из загона, и она радостно запрыгала вокруг него. Лицо пленницы сделалось бледным, и Аандред качнул головой; ее опасения были вполне естественны. Каково это – принять смерть от собак? Его собственная смерть была легкой: укол инъектора, оцепенение, затем забвение.

Аандред отодвинул пустой корпус Церулеан в сторону, ощутив слабый, привычный приступ печали. Он свистнул Умбер, прищелкнув пальцами. Она проворно запрыгнула на изолированную столешницу и стала ждать со своим обычным хорошим настроением.

– Хорошая девочка, – сказал он и погладил ее по спине. Она в экстазе извивалась. Он распахнул предплечье и коснулся

выключателя. Умбер превратилась в изящную статую, и он приложил отвертку к панели доступа на ее грудине.

Датчик был установлен на откидной плате. Он вынул его, проверил острием анализатора нужные диагностические точки. Неисправность стала очевидной: барахлила ячейка памяти. Он вытащил ее, осмотрел контактную кромку, снова установил на место.

Когда он закрыл корпус Умбер и перевел ее в активный режим, индикатор на его предплечье горел ровным зеленым светом. Умбер соскочила со стола, закружилась по псарне и залаяла своим механическим лаем.

– Девочке лучше? – спросил Аандред.

Его пленница наблюдала, прижавшись к решетке.

– Ты разговариваешь странно для машины, – сказала она.

– Это потому, что мы не совсем машины, – ответил он. – Не совсем.

– Что ты имеешь в виду?

Он взял табурет и сел возле решетки. Пленница лишь слегка отстранилась, она хорошо контролировала свой страх.

– Когда-то давно мы все были живыми существами, такими же живыми, как ты, – сказал он. – Я, собаки, даже крысы в подземельях. Даже Мерм. Все когда-то были живыми, а теперь мертвы – за исключением Дроама, который на самом деле является машиной.

Аандред подвинул свой табурет немного ближе к решетке, наклонившись к прутьям. Она не отодвинулась, хотя ее глаза сузились.

– Должен ли я объяснить? – спросил он. – Если я это сделаю, на что ты готова обменять эту информацию? – Произнеся это, он ощутил укол стыда. Почему он пытался напугать ее? *Скверная старая привычка,* подумал он. Скоро она познает ужас, когда Дроам отдаст ее троллям, а потом она умрет. – Ладно, забудь. Просто назови мне свое имя – этого будет достаточно.

Она долго, молча смотрела на него и наконец произнесла:

– Если я назову имя, хуже ведь никому не станет? Меня зовут Санди Гаро.

Вздернув подбородок, она холодно взглянула ему прямо в лицо, словно насмехаясь над ним.

Ее мужество радует, подумал он, а затем сказал: – Слушай.

Он рассказал о том, как семьсот лет назад все это началось. Сюда, на Островное Море, пришла Сид-Корп и построила Дроам, дорогой курорт для особого рода гостей, для тех, кто увлекался мифами и легендами Старой Земли. Громада Дроама заняла несколько гектаров; его башни вознеслись на триста футов над

самым высоким холмом острова. Строители наделили Дроама мощным макромолекулярным интеллектом, а затем придумали свой великий план.

– О, это была замечательная идея, – проворчал Аандред. – Сначала они намеревались укомплектовать Дроам роботами в виде Древнего народа Старой Земли: эльфов, троллей, фей, гномов, волшебников и ведьм. Но одна из них, самая умная… она руководила строительством замка, и ей пришла в голову одна идея. У роботов был один недостаток – они были предсказуемы. Ведь гость может побывать в Дроаме десятки раз за свою жизнь. Испытал бы он скуку, если бы слуги никогда не меняли своего поведения, никогда не действовали иррационально, никогда не проявляли никаких человеческих недостатков или слабостей? Конечно.

– И что? – лицо Санди Гаро было серьезно.

– И поэтому они решили купить личности воплощенных, чтобы поселить их в эти тела.

– Что это означает – воплощенные?

– Призраки. Мы все призраки в Дроаме. Собаки, например… Призраки щенков, умерщвленных ради Дроама семьсот лет назад. Они были преданы смерти – безболезненно, хотелось бы надеяться, – а их маленькие души записали для Охоты.

Ее глаза потемнели от отвращения.

– Так вот как ты стал тем, каков ты сейчас? Тебя убили, чтобы загрузить в машину?

– Не совсем. – Аандред скрипуче рассмеялся. – О, один или два воплощенных человека были куплены таким образом – больные или потерявшие желание жить мужчины и женщины, которые продали себя за деньги, чтобы помочь их семьям, и за шанс на продолжение жизни. Но большинство из нас – казненные преступники, наши личности были проданы на аукционе, чтобы покрыть ущерб за наши преступления.

Отвращение коснулось теперь и ее рта.

– Значит, ты всегда был убийцей?

Аандред сел прямо и некоторое время смотрел ей в лицо, пока она смущенно не отвернулась. Умбер заскулила и растерянно ткнулась ему в ноги. Наконец он ответил.

– О да. Я был знаменитым пиратом, я прятался на Сууке, я со своей флотилией нападал и грабил планеты, и я всегда насмехался. О, в то время я был известным убийцей; я истребил тысячи жизней и не задумывался над этим. – Он отвел взгляд, затуманившийся от кровавых воспоминаний. – Но у меня было время поразмышлять.

– Да? Прошлой ночью ты и твои твари убивали, не

задумываясь.

Он заметил, что в ее глазах сверкнули слезы.

– Я подчиняюсь Дроаму. Должен ли я бросить вызов замку ради кучки оборванцев? Меня тут же прикончат. Во все наши тела встроены защитные и смертоносные контуры; в конце концов, Дроам не может допустить ситуацию, чтобы туристов терроризировали преступные зомби, если мы вдруг взбунтуемся. Не так ли? – Он грустно добавил: – Это правда, что я уже мертв. Но это единственный вид жизни, который мне доступен, и мне не хочется от него отказываться.

– Понятно. – с печалью в голосе сказала она. – Ну а что насчет гостей?

Он схватился за прутья. Решетка выгнулась под напором его рук:

– Изменились вкусы, примерно четыреста лет назад. Внезапно замок Дроам вышел из моды. Туристы перестали приезжать и теперь мы всеми забыты. Дроам до сих пор убежден, что гости появятся снова; я-то знаю, что этого не будет. В Островном Море были и другие курорты – сейчас они все мертвы. Конечно и вы, Костекопатели, знаете это; вы заняты выживанием среди их грандиозных руин. Из всех курортов Дроам был самым крепким. Он может сопротивляться вашим атакам бесконечно долго. Таков его настрой.

– Атаки? – Она источала презрение. – Мы ни на кого не нападали. Мы высадились, чтобы исследовать, не более того. На острове много пустой земли; почему бы нам не возделывать ее? С каждым годом детей становится все больше, и мы должны их кормить. Мы бы не повредили ваш драгоценный замок. Зачем он нам?

Аандреда повеселило ее возмущение:

– Что за идея! Грядки с репой в Долине Огней, Костекопатели, собирающие грибы в Заброшенном Лесу. Детвора ловит рыбу в Черной реке. Вряд ли Дроам будет этому рад.

Ее глаза гневно сверкнули.

– Я назвала тебе свое имя; а у тебя есть имя?

– Дроам зовет меня Охотником. Но у меня было другое имя, когда я был человеком. – Он сделал паузу. – Мое имя было Аандред. Славное, непутевое имя было когда-то. А сейчас? Пустой звук… – Его голос затих до задумчивого шепота.

– Я почти и не помню его уже, – солгал он.

Он выпустил из загонов остальных собак, и они закружились по общему залу в безумном восторге. Кримзон обнюхал решетку пленницы, вильнул хвостом и потрусил прочь. Аандред увидел,

что ее лицо побелело от страха.

– Не бойся, – сказал он. – Они не причинят тебе вреда, если ты не будешь пытаться убежать.

Казалось, он ее не убедил.

– Посмотри, какая прелесть, – сказал Аандред, открывая отсек для хранения вещей, встроенный в его правое бедро. Он достал оттуда любимую собачью игрушку, которую он давным-давно стащил у одного из колдунов башни – магический шар с крошечным механическим гомункулусом внутри. Он метнул шар, и тот покатился по полу, мигая синими огнями, издавая комичный писк и пуская струйки фиолетового дыма. Собаки радостно бросились за ним. Сиенна оказалась быстрее всех и с гордостью вернула шар ему, не обращая внимания на ревнивые укусы других псов. Он снова швырнул шар, вызвав еще одну маниакальную погоню.

Через полчаса игра им наскучила и они уселись вокруг Аандреда. Пленница заинтересовала их и они уставились на нее своими горящими глазами, открыв рты со свисающими сегментированными серебряными языками.

Санди Гаро, кажется, тоже была очарована собаками.

– У них странное выражение глаз, – сказала она. – Словно они знают какую-то тайну.

– Ну, это не простые псы. Они были умными собачками, будучи плотью, да и так собака может многому научиться за семьсот лет. – *Возможно,* подумал Аандред, *даже больше, чем человек.* – Я постоянно дивлюсь тому, как много они понимают, – задумчиво произнес он, поглаживая Умбер по голове. – Ведь они *всего* лишь псы.

Некоторое время она молчала, наблюдая за собачьей суетой. Затем она подняла на него растерянные глаза.

– Сейчас они не кажутся такими ужасными. Как странно, ведь только прошлой ночью они убивали… Тогда твои собаки были отвратительными, кошмарными. – Она скривила губы. – А теперь я вижу изящество, даже некую красоту.

– Конечно, они прекрасны, – с яростной убежденностью заявил он. – Из всех существ Дроама они самые прекрасные и чистые. Ты не должна винить их в смерти твоих друзей… Они делают только то, для чего их вывели и обучили. Собаки с такой же готовностью примут мяч из рук Костекопателя, как они принимали его у меня.

Аандред какое-то время уделял все свое внимание псам. Когда он вновь посмотрел на пленницу, она уже лежала на циновке, повернувшись к нему спиной, и кажется спала.

ДЕНЬ ПРОШЕЛ, как прошли сотни тысяч других дней. Аандред играл с собаками и думал о своей прежней жизни, о прекрасных безнравственных минувших днях. Но воспоминания поблекли, словно от слишком частого использования, и его мысли вернулись к женщине-костекопательнице. Какой была ее жизнь? – задумался он. Она продукт отсталой культуры, потомок потерявшихся гостей и беглых рабов в захолустном мире, куда давно не прилетали звездные корабли. Она могла расчитывать в своей жизни только на страдания и раннюю смерть. Она никогда не прикоснется к чудесам галактического человечества, не пройдется по золотым чертогам Дильвермуна, или полным скверны коридорам Бистерхейма, не увидит издали, из космоса, множество планет, подобных жемчужинам на изысканном бархате, не испытает тысячи сладостных удовольствий, которые он почитал само собой разумеющимися в своей человеческой жизни.

Он покачал головой. *Бессмысленная игра слов.* Санди Гаро, без сомнения, ценила свою жизнь такой, какая она есть, так же сильно, как он ценил свое собственное синтетическое существование. *Или даже больше,* мрачно подумал он, но это выражение испугало его, и он отбросил его в сторону. *Досадно, что она должна закончить свою жизнь, забавляя тролля.* Мысль о троллях привела его в ярость и он дал себе слово, что свернет пленнице шею, прежде чем отдаст ее Мерму, как Дроам, наверняка, прикажет ему сделать. Он избавит ее от этого ужаса.

Когда день перешел в вечер, звякнул сигнализатор. Голос Дроама одновременно зазвучал из настенного динамика, и в его голове, что вызвало дезориентирующее ощущение:

– Охотник. Приведи пленницу в Зал для аудиенций.

Аандред в шкафчике, который он не открывал более ста лет, нашел украшенный драгоценными камнями поводок.

– Пойдем, – сказал он Санди Гаро. – Надень вот это. Дроам ожидает от меня, что я доставлю тебя без затруднений.

Глаза у нее округлились, и она шагнула назад.

– А если я пообещаю не убегать?

– Прости, – сказал он. – На твоем месте я бы наобещал чего угодно и сбежал бы при первой же возможности. Ты вполне можешь оказаться проворней меня, и хотя тебе ни за что не удастся сбежать из замка, ты можешь какое-то время скрываться от меня. Дроам облегчит свое нетерпение моей болью.

Она наклонила голову, и он застегнул ошейник на ее шее. Собаки, в своих загонах кидались на решетки и лаем умоляли его взять их с собой.

– Ведите себя хорошо, собачки, – сказал Аандред. – В этот раз вам нельзя идти. Я скоро вернусь.

Связанные провисающим поводком, они шли по ярко освещенным коридорам замка. Санди Гаро с любопытством глазела по сторонам. Вечер только начался и не все обитатели замка вышли из своих домов, но тем не менее, они миновали группу гномов-уборщиков, вооруженных ведрами, швабрами и ультразвуковыми метлами, седобородого волшебника с его юной помощницей, трех пересмеивающихся троллей, прячущихся в темном дверном проеме, и ослепительную рыжеволосую ведьму, блистающую покровом Темной Тайны. Пленница внимательно рассматривала каждого, кто попадался им по пути.

– И все они мертвы, – с изумлением произнесла она.

– В некотором смысле. Сами себя они считают себя живыми. – С удивлением он понял, что исполняет роль их защитника.

– Не понимаю, – сказала она. – Ведь не заметно, чтобы они наслаждались своим бессмертием; у них у всех печальные, полные горечи лица.

– Ты не понимаешь, почему? – тяжесть долгих, пустых лет вдруг навалилась на него. – Попробую объяснить тебе, чтобы ты не думала, что мы Счастливый Народ.

Дела твои могли бы быть и похуже, Санди Гаро, подумал он. *Быть может, ты примешь свой удел с большим смирением, если я расскажу тебе про нас.*

– В Дроаме находится чуть более трех тысяч воплощеных-людей. Есть ли у Копателей такое большое поселение? Нет? Тебе не кажется, что это довольно много людей? – Он расхохотался жутким хохотом, так что она вздрогнула. – О, это было бы так, если бы наши псевдожизни длились не дольше ваших. Семьдесят лет, восемьдесят – это неплохой срок жизни для Копателя? А мы вместе здесь, в Дроаме, уже семьсот лет. Ты способна такое представить? Представь! И учти, кто мы такие. Убийцы, насильники, мучители, те, кто крал вещи настолько дорогие, что их за это приговорили к смерти. Мерм, например, был верховным шерифом. По надуманным обвинениям он обращал в рабство молодых мальчиков и девочек, жестоко их использовал, а когда они оказывались полностью истощены, закапывал их тела на своей тюремной ферме. Он утверждает, что нашли лишь малую часть его жертв, а нашли тысячу! Тебя еще удивляет то зло, что ты видишь в его лице?

Санди Гаро смотрела на него со смесью жалости и ужаса, с посеревшим лицом и губами, от которых отхлынула кровь.

Он продолжил, влекомый чувством, которое, как он думал, угасло в нем навсегда.

– Ты думаешь, я преувеличивал свои преступления? Нет! А я был образцом благородства по сравнению со многими здесь, в Дроаме: я крал только у богатых; я действовал силой только против сильных; я нападал только на тех, кто мог за себя постоять. Признаю, я был донкихотствующим пиратом, но я не хотел считать себя чудовищем. Ха!

Он бы заплакал, если бы у него были слезные протоки; вместо этого он ударил кулаком по стене. Гладкая мраморная облицовка разлетелась вдребезги, обнажив шероховатый бетон.

Санди Гаро стояла так далеко, насколько позволял поводок, прижав руки ко рту. Осколок мрамора поцарапал ей щеку, и из нее потекла струйка крови.

– Сожалею, – сказал он. – Я несколько перевозбудился. Я успокоился, не бойся.

– Почему ты не сбежал? – Впервые в ее голосе не было и тени ненависти. – Наверняка есть корабли.

– О, да. Лодки фей дрейфуют по Черной реке, а погребальная галера короля эльфов пришвартована рядом с его павильоном на Тихом берегу. Ты просто не понимаешь. Дроам знает, где каждый из нас находится в любой момент; стоит ему только подумать, и он может убить меня. Или наказать ужасной болью. И, конечно же, мы не можем сохранить нашу личность без Дроама; без доступа к регенераторным устройствам и энергетическим узлам Дроама мы все исчезнем. Если я убегу или Дроам будет уничтожен – через пять-десять лет я прекращу свое существование.

– И он знает все твои мысли?

– Нет. Мы имеем возможность скрыть свои мысли. Дроам может напрямую посылать свои мысли в разум каждого из нас; но чтобы ответить, мы должны переключить мышление в особый режим. Это, правда лишь из-за того, что чересчур большое количество прямых связей слишком ослабило бы интеллект Дроама; распыленный таким образом, он рассеялся бы до нуля. Хотя, фактически, произошло взаимопроникновение; часть мрака, царящего в наших душах, просочилась в Дроам за эти годы. – Аандред замолчал и вздохнул.

Дальше они двигались молча. Когда Зал для аудиенций был уже рядом, она вновь заговорила.

– Я так и не поняла. Зачем создатели наполнили этот курорт одними лишь кошмарами?

– При строительстве они скурпулезно следовали стилю «темный гламур»; и они преуспели, но такого рода вещи быстро выходят из моды…

В Зале для аудиенций, у ямы с нексусом, она еще раз прервала молчание:

– Что это?

– Дроам. Если кратко, его мозг.

Он почувствовал, как ее тело внезапно напряглось и крепче сжал поводок.

– Держи себя в руках, Санди Гаро. То, что ты обдумываешь, не принесет никакой пользы. Посмотри внимательно; видишь, как рассеивается свет? Это силовой купол. Если ты перепрыгнешь через ограждение, он не даст тебе упасть на мозг, конечно, если только ты не стала в десять раз тяжелее, чем когда я нес тебя на руках. Я думаю, что лишь такой вес может перегрузить купол.

Он потянул поводок.

– Ну, и если ты убьешь Дроама, умру и я. Ты же не хочешь, чтобы это было на твоей совести. – Он сказал это в шутку, но ее лицо выразило растерянность и разочарование.

Тело Дроама ждало рядом с зондом.

– А-ах, – произнесло оно. – Вот и наша гостья.

ЗОНД ПОДТВЕРДИЛ самые худшие опасения Дроама. Племя Санди Гаро находилось в отчаянном положении; у них не было иного выхода, кроме как попытаться захватить остров. Аандред наблюдал за обсуждениями на нескольких деревенских советах глазами Санди Гаро. Каждая из групп мрачных стариков и старух приходила к одному и тому же выводу: на остров, который они называли Неверлендом, несмотря на страшную славу, будут отправлены поселенцы.

Аандред узнал интересную вещь про Санди Гаро: у себя в племени она была ведущим авторитетом по разложению синтетической жизни, которая заполонила Островное Море. И потому она попала в состав первой, разведывательной экспедиции.

…она стояла на пляже, крепко обнимая мужа и сдерживая, ради него, свои слезы.

– Не волнуйся, с нами все будет в порядке. Никто не был в Неверленде уже более восемьдесяти лет. Монстры должны все сломаться за это время – энтропия на нашей стороне.

Она перевела взгляд вниз, на своего сына, крепкого двухлетнего мальчугана с ярко-рыжими волосами и суровым выражением на детском лице.

– Я думаю, что ты будешь в большей опасности, чем я. Будь настороже и внимательно присматривай за нашим маленьким монстром.

Она взъерошила огненные волосы и взяла на руки ребенка

для прощального объятия. Он вцепился за нее, хотя в другое время попытался бы вырваться. Отец мягко отнял сына, и она побрела сквозь прибой к ожидающей ее лодке. Санди махала рукой, до тех пор, пока их судно не пересекло скрытый в голубой воде риф, и фигуры на пляже не растаяли в свете солнца…

И вновь Аандред оказался во власти какого-то сильного, непонятного чувства. Аандред не располагал органами чувств, которые имелись у живых людей и не мог никак его идентифицировать. А будь он живым человеком, то почувствовал бы слезы на своих щеках, ощутил бы нестерпимую стесненность в горле, вздымалась бы его грудь от сдавленных рыданий? Он не знал этого, но почти ослеп от сильного ощущения, чем бы оно ни было. Он посмотрел на бледное, отрешенное лицо лежащей Санди Гаро, и напор неясных эмоций возрос до почти непереносимого уровня.

Он вздрогнул. К нему обращался Дроам:

– …поэтому я возлагаю организацию отрядов на тебя – ты ведь раньше в этом специализировался, не так ли? Мы возьмем галеру, и будем выбивать их с островов, очищая по одному острову за раз. Мы убьем столько, сколько сможем, сожжем поля, взорвем рифы, отравим колодцы. Конечно, всех мы не сможем перебить, но пройдет много поколений, прежде чем они вновь размножатся настолько, что опять станут представлять опасность.

Ситуация становится ирреальной, подумал Аандред. Он ощутил себя тенью в театре теней; ролью в трагическом фарсе.

– Большое предприятие, – пробормотал он.

– Но необходимое. Сообщи завтра, как идут дела; отплытие через три дня.

– Что делать с женщиной? – не подумав, спросил он.

– Отдай Мерму и его компании. Для стимула, так сказать.

Дроам замер, и больше не говорил.

Аандред медленно нес женщину вниз по коридорам замка. Он пытался что-либо придумать, но выхода не находил. Добравшись до псарни, он затворил за собой входную дверь и положил пленницу на рабочий стол. Она была бледна, но пульс ровно постукивал у основания ее шеи. *Лучше бы она умерла при зондировании,* подумал он. *Давай, сделай это сейчас, пока она не проснулась; она никогда не узнает.* Он согнул руки, и обхватил ее хрупкий череп. *Как тяжело – губить такое прелестное проявление жизни.*

Долгое время он не мог пошевелиться. Затем он подумал о троллях, об их вертелах, кострах и крючьях. Его решимость окрепла. Но прежде чем он успел исполнить доброе дело, ее

глаза, затрепетав ресницами, распахнулись и она посмотрела на него взглядом, к его смущению, лишенным какого-либо замешательства; она словно понимала, что он хочет сделать. Он отдернул от нее руки.

Шли минуты в напряженном молчании. Наконец она попыталась сесть.

– О чем я рассказала? – вздрагивающим голосом спросила она.

– Все. Всю правду.

– Что будет теперь?

Он взглянул на нее, радуясь, что у него вместо лица маска безумца. По крайней мере, он мог оказать Санди Гаро одну любезность: он мог утаить от нее неминуемую гибель ее народа.

– Не знаю, – ответил он.

– Но ничего хорошего?

Он пожал плечами, пытаясь найти подходящую ложь. Его разум молчал; в отчаянии он ударил себя по лбу кулаками.

Она испуганно отпрянула:

– Аандред, что это? – со стороны входа донесся грохочущий стук.

– Охотник! Мы пришли за своим подарком!

Это был скользкий голос Мерма. Король троллей вышиб дверь и ввалился в помещение, сопровождаемый двумя своими подданными.

Мерм начал протискиваться мимо Аандреда. Глаза тролля сверкали от триумфа и предвкушаемого наслаждения.

– Как весело, как весело, – приговаривал он, протягивая руки к Санди Гаро.

Казалось, время встало. Целую вечность Аандред смотрел в ее неверящее лицо – широко раскрытые зеленые глаза, бледный, напряженный рот. Мгновение кончилось; он взревел и отшвырнул прочь Мерма.

Король троллей врезался в стену, потом отпрыгнул, дрожа, его отвисшая пасть яростно дергалась:

– Ты осмелился? Дроам накажет тебя. Но сначала накажем тебя мы! – Он выхватил из-за пояса железную дубинку, как и двое его приспешников.

Собаки, рыча, наваливались на свои решетки. Аандред почувствовал, как его ярость вспухает красивой, беззвучной вспышкой, осветившей все темные закоулки его души. Он щелкнул предплечьем, коснулся переключателя, и решетки открылись. Собаки метнулись вперед и налетели на остолбеневших троллей. Все трое умерли, не успев издать ни звука.

Псы начали играться с кусками пластика, искореженными стальными стойками, клубками проводов и гидравлическими трубками, издавая радостный собачий гвалт.

– Вот видишь, – сказал Аандред. – Какие хорошие собаки. Какие преданные. – Он ждал, сгорбясь от ужаса, реакции Дроама.

Когда она пришла, он упал, корчась, среди собак. Боль окутала Аандреда с такой интенсивностью, что лишила способности мыслить. Прошло какое-то время и он смог понять слова Дроама:

– Направляйся в зал, Охотник. Доставь свою пленницу *живой*; и захвати своих ничтожных, убогих зверей.

Боль накрыла на один последний, обжигающий момент, затем пропала.

Он с минуту валялся на полу, собираясь с силами, а собаки с тревогой обнюхивали его. Затем страх заставил его подняться на ноги.

– Я не рискую ждать, Санди Гаро. Дроам зовет меня – и тебя. И собак. – Огромная печаль охватила его, заполнив пустоту, оставшуюся после боли.

Он без усилия вел ее на поводке к Залу для аудиенций. Ее лицо все еще было бледным от страха, но она шла уверенно, с высоко поднятой головой.

– Что оно сделает? – спросила она.

– Дроам накажет меня, – сказал он. Собаки чувствовали его настроение и держались рядом, бросая на него обеспокоенные взгляды.

– Как? Болью?

И этим тоже, подумал он.

– Оно убьет собак. Оно знает, что я ценю, оно знает, как лучше всего причинить мне боль.

Они остановились перед высокими дверями Зала для аудиенций.

– Что оно сделает со мной? – спросила она.

Он положил руку на большую серебряную рукоятку.

– Я думаю, тебя ждет смерть, Санди Гаро. Если у меня будет шанс, я постараюсь сделать ее более легкой.

Ее лицо исказилось, но лишь на мгновение. Затем она кивнула, и по губам у нее скользнула едва различимая улыбка. Аандред распахнул дверь, и они вошли внутрь.

В дальнем конце зала тело Дроама расхаживало взад-вперед торопливыми, мелкими шажками.

– Иди сюда, – проревел он, и сейчас этот голос не был таким уж прекрасным. – Иди сюда быстрей. Есть вещи, которые я

должен сделать этими руками.

Аандред глянул вбок. Она дрожала, но держала себя в руках. *Замечательно,* подумал он. *Восхитительно*.

Когда они проходили мимо светящегося нексуса, его рука нырнула в набедренный отсек и выхватила оттуда магический шар. Не давая себе времени на раздумья, он тем же стремительным движением перебросил его через ограждение в нексус. Крошечный гомункулус внутри шара пронзительно завизжал. Аандред крикнул:

– Взять!

Немедленно Дроам начал убивать его, и он ощутил, как умирает его тело. Но прежде чем он окончательно умер, Дроам переключил свое внимание на собак.

Однако было уже поздно. Только одна собака напряглась и забилась в судорогах в середине прыжка, зато остальные успели упасть на силовой пузырь. Пузырь схлопнулся с сухим, щелкающим хлопком, и псы свалились на поверхность мозга Дроама. Они преследовали шар, барахтаясь в тонких кристаллических нитях, и раскололи интеллект Дроама на облако сверкающих осколков.

Аандред, вздрагивая и стуча руками по полу, смог приподняться и встать на колени. Неподвижная туша Дроама валялось на полу, лицом вниз. По залам и коридорам замка поползла опустошенность, пока не заполнила каждую нишу и проем этого громадного сооружения. Первые слабые крики донеслись до его ушей.

По прошествии довольно длительного времени, рыжеволосый мальчик, лет десяти, вел свою младшую сестренку по тропинке через зеленый лес. Тропинка привела их к каменной скамье, на которой сидела статуя из черного металла. Рука статуи устало покоилась на загривке ржавеющего стального пса; две такие же, разъедаемые ржавчиной собаки лежали у ног статуи. Лицо у статуи было безумным, свирепым, со страшными, сверкающими глазами и девочка испугалась.

– Какой урод, – сказала она.

– Нет, – строго произнес мальчик. – Никогда так не говори! Когда мы впервые попали в Неверленд, он со своими псами убил сотню чудищ, а остальных не подпускал близко, пока они не сломались. Без него мы бы все погибли.

– Ладно, тогда почему он здесь совсем один?

Лицо мальчика помрачнело, словно его память вызвала какую-то давнюю печаль, слишком глубокую для его возраста.

– Он становился все медленнее и медленнее после того, как

пропали последние монстры. Однажды он пришел сюда с собаками, которые у него еще оставались. До конца прошлого лета он подмигивал мне, когда я приходил к нему. Но весной он перестал двигаться.

– Как грустно.

– Да.

Немного погодя они повернулись и пошли обратно вниз по склону холма, назад к своей жизни.